УДК 316.012

Н.Н. Мещерякова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются основные теоретические и методологические подходы к изучению феномена социальной аномии. Подход, рассматривающий аномию как следствие переходного этапа в развитии общества, когда прежние нормы уже не действительны для регуляции социальных взаимодействий и отношений, а новые еще не институционализированы. И подход, направленный на обнаружение в самой социальной структуре факторов, которые провоцируют различные формы девиантного поведения. Подробно рассмотрены авторские модели социальной аномии российского общества Н.Е. Покровского, С.Г. Кара-Мурзы, К. Сводера и Л. Косалса. Дана сравнительная характеристика их методологических подходов к изучению и измерению уровня аномии в российском обществе, рассмотрены основные полученные результаты, проанализированы сильные и слабые стороны этих моделей.

Ключевые слова: модернизация, аномия, девиантное поведение.

Введение

Проблема социальной аномии применительно к российскому обществу не столько новая, сколько требующая своего переложения из публицистического в сугубо научный план. С тем, что в России сложилась ситуация, когда моральные нормы, существующие в массовом сознании, да и вполне формализованные правила и законы массово не соблюдаются, согласны и обществоведы, и политики, и сами граждане. Целью данной работы является рассмотрение вопроса об изученности феномена российской аномии: разработанных теоретических моделях аномии и методиках ее изучения и измерения

Теоретические подходы к изучению аномии

Авторство первой интерпретации данного социального феномена принадлежит Э. Дюркгейму. В своих классических работах «О разделении общественного труда» [1] и «Самоубийство: Социологический этюд» [2] он подчеркивал, что аномия это состояние дезорганизации, которая может наступить и в эпоху кризиса, связанного с войной, революцией, и, как он называет, «счастливого кризиса», т.е. на фоне экономического и общего подъема. «Поскольку изменяются взаимоотношения различных частей общества, постольку и выражающие эти отношения идеи не могут остаться непоколебленными» [2. С. 234].

Р. Мертон, продолжая традицию, заложенную Дюркгеймом, исследовал, как социальная структура порождает обстоятельства, при которых «нарушение социального кодекса представляет собой "нормальный" ответ на возникающую ситуацию» [3. С. 301]. В его трактовке аномия не обязательно след-

ствии чрезвычайных обстоятельств, кризисных или счастливых, но может быть вполне дежурным состоянием социальной системы при определенных условиях, когда наблюдается расхождение в значении, придаваемом целям и нормам, регулирующим их достижение. Главной причиной аномии в американском обществе он называл то чрезвычайное значение, которое придается накоплению богатства в качестве символа успеха. Цели, по Мертону, обуславливаются основными ценностями культуры. Богатство как символ успеха рассматривается как желательное для всех. Но институционализированных средств достижения богатства **всем** не существует. Преувеличение значения, которое придается цели, умаляет значимость средств. И с одной стороны, «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств становится все более обычным», – это для тех, кто не отказывается от цели. А, с другой, «пораженчество, квиетизм и самоустранение проявляют себя в психологических механизмах бегства от действительности», – это удел тех, кто разочаровывается в возможностях достичь желаемого законными способами и неспособен прибегнуть к незаконным [3. С. 301]. Мертон пишет, что наличие групп и индивидуумов, не участвующих в гонке по достижению денежного успеха, подрывает идеологию равенства, на которой зиждется американское общество.

Кроме чисто социологической концепции социальной аномии (*anomie*), Роберт Маккайвер, Дэвид Рисмен и Лео Сроул развили психологическую концепцию аномии (*anomia*) как состояния индивидуальной депривации, связанного с *anomie* социальной системы в целом. Благодаря этим исследованиям состояние «безнормности», как буквально переводится термин, изучается сегодня и на микроуровне, состояние внутреннего мира человека, и на макроуровне системного целого. Так из переплетения субъективного и объективного фактора прорастает понимание, что есть состояние общества, которое мы характеризуем как кризисное, состояние дезорганизации норм и ценностей, когда подчеркивается, что отклоняющееся от нормы поведение индивида связано с аномическим состоянием общественной системы. Со времен Дюркгейма, а затем Мертона два подхода к поиску причин аномии, и как следствие различных форм девиантности господствуют в исследовательской литературе.

1. Аномия – это следствие переходного этапа в развитии общества, когда прежние нормы уже не действенны для регуляции социальных взаимодействий и отношений, а новые еще не институционализированы (Дюркгейм).

2. В самой социальной структуре есть сбой (вирус), который провоцирует различные формы девиантного поведения как адаптивные реакции на этот сбой (Мертон).

Идеи Мертона, например, развивают разработчики институциональной теории аномии С. Месснер и Р. Розенфельд [4]. В 2008 г. вышла их новая работа в соавторстве с Г. Томом [5], в которой с помощью своей интерпретационной модели аномии они пытаются объяснить высокий уровень преступности в обществе и, развивая идеи Мертона, говорят о чрезмерном акценте на экономических целях в идеологеме «американская мечта». В сочетании с обесцениванием неэкономических институтов общества (семья, образование) это является тем самым структурным сбоем, провоцирующим преступность.

С помощью теории социальной аномии исследователи пытаются разобраться во многих социальных проблемах: девальвации системы ценностей, межгрупповых столкновениях, демографических проблемах, суицидальных девиациях и др. Какое развитие теория социальной аномии получила применительно к изучению российского общества?

Одним из первых в 90-е гг. об аномии только что сложившегося уже не советского, а российского общества стал писать Н.Е. Покровский. Он считает, что аномия необратимо последовала за крахом одной общественной системы и складыванием новой. Трактовка совершенно в дюркгеймовском смысле. Но, поскольку опасности таких радикальных перемен в конце XX в. были научным сообществом уже отрефлексированы, радикальные экономические и социальные преобразования 90-х следовало сопроводить программой формирования новой системы ценностей, поскольку прежние нейтрализовать аномию и консолидировать общество, очевидно, уже не могли. Он называет и базовые нравственные принципы, которые могли бы стать основой этой консолидации и которые уже были опробованы обществами, прошедшими модернизацию. Среди них: уважение к личности, уважение к труду, трудолюбие, уважение к профессии и знаниям, уважение к нравственности и духовным ценностям, ограничение потребностей (разумный минимализм), справедливость [6]. Конечно же, новые ценности невозможно было ввести декретом, пишет Покровский, но ждать, что они возникнут сами по себе, изнутри, в семье, школе, СМИ, культуре, – было ошибкой, необходимо было встречное движение власти и общества, которого не произошло, и в результате «великая альтернатива», реальная в начале 90-х г. XX в., не состоялась.

В итоге, полагает автор, 90-е завершились не только перерождением общества, но и необратимыми видоизменениями внутренних феноменологических конструкций массового сознания. Система отреагировала на нарушение баланса, следуя своей внутренней логике. В результате современные россияне представляют собою качественно новую социальную общность, ориентированную на материальное потребление, с постоянно суживающимся полем социального интереса, отсутствием регулирующих функций массового сознания, преклонением перед любой властью, культурной нетребовательностью и т.д. Фактически, полагает автор, разрушено поле единых нравственных ориентиров. Солидарность, консолидация, единство целей, взаимное доверие находятся в глубоком упадке. Диагноз этой «опасной болезни» – социальная аномия. И болезнь эту автор называет опаснейшей, способной изнутри разрушить любую конструктивную программу социально-экономических преобразований [6].

К индикаторам этой болезни он относит: отсутствие целей, разрушение этических ценностей и утрату идентичности на индивидуальном уровне. В обществе к ним относятся: рост преступности, социальный хаос, смятение душ, неясность жизненных целей («Главное для нас – выжить»), резкое снижение предсказуемости во времени тех или иных явлений, связанных с данной социальной системой («Мы живем только сегодняшним днем»), возрастание значимости материальных ориентации как противоположных нравственным и духовным («Сейчас нам не до духовных запросов») и т.д.» [7. С. 189–190].

Модель аномии российского общества, созданная Покровским, носит сугубо описательный характер. Она основана на базовом положении Э. Дюркгейма о том, что этот феномен возникает в обществах, находящихся на переломе своих основ. Он описывает проявления аномии в конкретном российском обществе и не затрагивает вопрос о возможных методах измерения этого феномена, и, конечно, весьма пессимистичны его выводы о перспективах преодоления состояния нравственного релятивизма и потери основ для консолидации общества. Возможно, эта модель не доведена до того, чтобы стать инструментальной, поскольку в нулевые Н.Е. Покровский отошел от темы аномии российского общества и погрузился в иные исследовательские проекты. Но, надо признать, что «родовая травма 90-х» сохраняется у всех исследователей, которые пережили эти годы на личном опыте. Справедливо это утверждение и для С.Г. Кара-Мурзы, который очень плодотворно разрабатывает тему аномии российского общества уже в наше время. Он также связывает аномию со свершившимся общественным переломом начала 90-х гг. XX в. Видит ее причину в системе оскорбительных действий власти и «элит» времен перестройки. Власть вместе с «бизнесом», с точки зрения исследователя, создали предпосылки для аномии, породив массовый пессимизм в российском обществе [8].

Что касается теоретической модели комплексного виденья совокупности факторов, которые осуществляют принципиальные изменения в социальной системе, провоцируют и поддерживают аномию модели, устанавливающей связи между выделенными факторами, то подход Кара-Мурзы уже более инструментальный. Он выделяет ведущие факторы, генерирующие аномию:

1. Кризис культуры. Удар, ей нанесенный, был такой силы, что не только разрушились ее элементы и связи между ними, но, с точки зрения автора, запущен самовоспроизводящийся и самоускоряющийся механизм разрушения [9. С. 117].

2. Ложь элиты. Сознательной ложью была вся та идеологическая риторика, которой сопровождалась и попытки перестройки, и реформы перехода к демократии и правовому государству. Вирус лжи, с точки зрения автора, настолько проник в российскую политику, что стал элементом «культурного ядра» общества [9. С. 145–146]. Как только общество разобралось с тем, что элита его систематически обманывает, — это стало постоянным источником аномии для него.

3. Преобразование системы потребностей. За последние двадцать лет в сознание граждан России была внедрена новая программа потребностей. Основную массу населения втянули в так называемую революцию притязаний, заставили отказаться от нравственных норм в пользу гедонистических и потребительских. Но поскольку для большинства населения эти притязания не осуществимы, а с этим фактом смириться оно не может и не хочет, — это становится для него постоянным источником стресса и генератором аномии [9. С. 175].

В модели аномии С.Г. Кара-Мурзы прорабатываются взаимосвязи и взаимозависимости между факторами, влияющими на описываемое социальное явление. Если три вышеобозначенных фактора выступают в ней генераторами аномии, то поддерживают ее, питают, безусловно, чрезмерная социальная

дифференциация (расслоение) и бедность значительной части населения. Называет он и симптомы болезни, которые можно обозначить как видимые признаки данного явления: коррупция чиновничества, высокий уровень преступности различного типа, мошенничество бизнеса, кризис семьи как социального института. Предлагаемая С.Г. Кара-Мурзой модель аномии российского общества отличается рядом особенностей. Во-первых, данная модель социальной аномии рассматривает российское общество вне мирового контекста и тех процессов, которые здесь происходят, изолированно. Не учитывается, что современное общество – это «общество риска» (У. Бек), «текущее общество» (З. Бауман) с «текучей моралью» (С. Кравченко); что современные люди равнодушны, скептически настроены и насторожены по отношению к «общей причине», «общему благу», «хорошему обществу» или «справедливому обществу»; что собственные интересы все более теснят в жизненных стратегиях общие [10. С. 44].

С.Г. Кара-Мурза называет, например, короткие жизненные проекты, когда люди не заглядывают далеко в будущее, живут сегодняшним днем, специфичной формой проявления аномии. А Алвин Тоффлер в своем известном футурологическом произведении «Шок будущего» определяет это как черту постиндустриального общества. Он пишет о том, что укорачиваются сроки человеческих отношений, отношений с местом, с вещами, людей нанимают на работу на короткие временные периоды, мы вынужденно адаптируемся к новому ритму времени и справляемся с жизненными ситуациями за более короткое время [11].

Отсутствие этого общемирового контекста, что неверно в эпоху глобализации, приводит к тому, что и в модели аномии, и в конкретных ее проявлениях трудно разобраться, что здесь автономное, а что гетерономное, что необходимо бы сделать для выстраивания управленческих стратегий воздействия на общество и его институты.

Вторая важная особенность предлагаемой модели аномии в том, что она не доведена до инструментального состояния. С ее помощью нельзя измерить уровень аномии или проследить колебание каких-то значений выделенных признаков. Кара-Мурза сам признает наличие методологических трудностей, связанных с измерением аномии. Он считает, что трудно выделить индикаторы, пригодные для выражения количественной меры, что само это понятие нежесткое. Он предлагает оценивать масштаб аномии в динамике через нарастание/ослабление явлений [9. С. 16].

Методы измерения аномии

Разработаны ли вообще какие-то модели, с помощью которых аномию в российском обществе можно не только описать, но и измерить? Надо признать, что такие инструментальные модели на российском поле в большом дефиците. Но в настоящее время такой проект осуществляется в Высшей школе экономики. К. Сводер и Л. Косалс предлагают модель, уже опробованную на российском поле в ходе эмпирического исследования, которую они назвали «don't know» anomie (DKA) [12].

Авторы подчеркивают, что их трактовка аномии ближе концепции Дюркгейма, чем Мертона. Ситуация «безнормия», отсутствие определенных правил и институтов связаны с эпохой социального перехода от одного общества к другому. Поэтому авторы рассматривают аномию как составную часть процесса модернизации, осложненную в России эффектом постсоциализма. Их модель строится на трех взаимосвязанных гипотезах:

Гипотеза 1 предполагает, что формализм как средство нормативного регулирования связан с таким аспектом модернизации, как рационализация. Под рационализацией авторы подразумевают растущую важность количественного, инструментального, целенаправленного, «научного» мышления. Нерациональное мышление, в отличие от рационального, сосредоточено на качественных и не-универсальных аспектах, таких как эмоции. Авторы смотрят на рационализацию как близко связанную с формализацией. В ходе модернизации рационализация, доказавшая свою эффективность в экономике, начинает проникать в иные сферы общества: политическую, сферу частных отношений, – распространяя на них принципы формализованного, рационального контроля. В то же время неформальный контроль, основанный на межличностных связях, становится менее значимым. Таким образом, предполагают авторы гипотезы, общества, более развитые экономически, регулируются более формализованными средствами контроля.

Гипотеза 2. Связана с первой и предполагает, что в экономически развитых странах плотность нормативного регулирования выше и, как следствие, ниже аномия, поскольку самые разные сферы жизни регулируются четкими и многочисленными нормами. Но сам переход к формализованной системе управления через рациональные законы и государственные институты предполагает, по крайней мере, временный, нормативный слом, так как неформальный контроль демонтируется. Таким образом, общества с высокими темпами экономического роста должны быть более аномичными.

Гипотеза 3. Является связующей между первыми двумя. Аномия должна быть ниже среди людей, живущих в обществах с большей степенью экономического, политического и социального нормативного регулирования. Экономическое развитие несет с собою большую степень социальной сложности, и эта сложность должна управляться рациональными, формализованными институтами, в противном случае люди будут лишены необходимых рамок для понимания и управления своим собственным поведением. Люди должны испытывать больше аномии, если они живут в обществе, которое менее плотно формально регулируется, даже после учета других факторов.

Уровень экономического развития измеряется исследователями средним ВВП на душу населения. Экономический рост, соответственно, измеряется как среднегодовые темпы роста ВВП страны. Уровень формализованности регулирования экономической сферы измеряется по удельному весу теневого сектора экономики по данным Всемирного банка. Исходная посылка состоит в том, что страны, где большой сектор теневой экономики, в значительной степени находятся вне границ современного бюрократического рационального контроля.

Формализация политической сферы операционализируется через понятие эффективного управления обществом. Высокая степень эффективности означает наличие рационально функционирующего политического

руководства, в отличие от неформального политического кумовства; это указывает на политическую систему, более управляемую современными бюрократическими государственными идеалами, а не близкими межличностными отношениями. (Привлекаются данные Мирового рейтинга конкурентоспособности, IMD).

Формализованность регулирования личного поведения измеряется добавочным индексом проекта World Values Survey, учитывающим, живет или нет индивид в соответствии с ожиданиями родителей и друзей. Этот индекс представляет неформальный социальный контроль в отличие от формализованного контроля.

Используя корреляционный анализ и выстраивая диаграммы рассеивания вышеуказанных переменных на страновом уровне, авторы исследуют взаимосвязь между экономическим развитием и формализацией трех сфер общественной жизни: экономики, политики, сферы личных отношений.

Главным показателем аномии в данном исследовании является чувство неуверенности в нормах, собственном поведении, оценках общественной жизни, поэтому авторы измеряют аномию как отсутствие ясного ответа на вопросы в различных сферах. Идеальным показателем аномии становится процент ответов «не знаю». Преимущества такого подхода исследователи видят в следующем: а) он захватывает субъективный аспект аномии и б) он обеспечивает прямое измерение аномии через отражение неопределенности в умах людей в конкретных социальных сферах. Результатом вышеописанной конструкции являются три шкалы, каждая из которых представляет пропорцию ответов «не знаю» по пяти вопросам в сфере политики, экономики и личных отношений.

В ходе исследования Сводер и Косалс в целом подтвердили выдвинутые гипотезы и валидность модели ДКА «я не знаю – аномия» для измерения относительного уровня аномии (диаграммы рассеивания) по отдельным странам как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Их исследование показало, что экономические преобразования связаны с изменениями в формах социального контроля. Изначально высокие темпы экономического роста нарушают нормативный порядок обществ, основанного на неформальном межличностном нормативном регулировании. Тем не менее с экономическим ростом (ВВП на душу населения) социальные институты могут развиваться и могут уравновесить эти нормативные нарушения новой формой порядка, основанного прежде всего на политический контроле (Гипотеза 1).

Таким образом, экономически развитые страны (с высоким уровнем ВВП на душу населения, но невысокими темпами роста ВВП) не очень аномичны, но процесс становления модерна, в лице роста ВВП, может стимулировать падение нравов (Гипотеза 2). При этом гораздо большее воздействие на уровень аномии оказывает «посткоммунистический синдром». Одни и те же показатели, умеренно отклоняющиеся в развивающихся странах от средних значений в развитых странах, увеличивают значительно индивидуальную аномию в посткоммунистических обществах: уровень доходов, незаинтересованность в опросе. Влияние самооценки принадлежности к социальному классу на увеличение показателей аномии в три раза значительнее (по предлагаемой методике измерения), чем в развивающихся и развитых странах. А быть женщиной на постсоветском пространстве в два раза рискованнее, чем в ином обществе.

Эффективность правительства становится мощным источником нормативного регулирования в развитых обществах, а неэффективность и политическая коррупция стимулируют аномию – это наиболее значимые выводы, полученные в ходе исследования (Гипотеза 3). Поскольку изначально гипотеза связывала формализацию с рационализацией, то политическая неформальность, известная как семейственность и кумовство, интерпретируется данной моделью как нерациональное управление, ведущее к нестабильности общественного порядка в целом. Эта нестабильность приводит к отсутствию общих (разделяемых всеми) социальных норм, которые могли бы быть переданы по последовательным политическим руководствам.

Безусловно, на фоне идеографических моделей аномии, которые до сих пор преобладали в российской социологии, модель ДКА, предложенная Сводером и Косалсом, – серьезнейшая заявка на создание методологии исследования этого социального явления, операционализацию и измерение аномии. Но в этой связи есть одно замечание. Как модель С.Г. Кара-Мурзы слишком почвенническая, не учитывающая общемировой контекст, так данная модель слишком абстрактна, не хватает ей привязки к российской реальности.

Деление стран на развитые, развивающиеся и развивающиеся–посткоммунистические достаточно. Схематично. Оно не учитывает, как влияют буддистские традиции на индивидуальный уровень аномии в той же Индии и пр.

Предлагаемая авторами методология измерения аномии основана на построении многоуровневых моделей линейной регрессии, включающих данные индивидуального уровня и уровня страны. По результатам эмпирического исследования авторы сократили количество независимых переменных до наиболее существенных. Отказались, например, от семейного положения, членства в церковных общностях, статуса работающий/неработающий, из-за незначительного их влияния на зависимую переменную – уровень аномии. В том числе отказались учитывать в дальнейшем коэффициент Джинни по тем же соображениям. Учитывая, что он косвенно свидетельствует о социальной дифференциации, т.е. расслоении, вывод, что его можно не принимать в расчет в России, надо делать с большой осторожностью, тем более переменные субъективной оценки принадлежности к социальному классу и доходов на уровень аномии влияют очень сильно.

Из индивидуальных факторов, значительно влияющих на зависимую переменную, авторы сохранили: пол, уровень образования, уровень дохода, субъективную оценку принадлежности к социальному классу, приверженность постматериалистическим ценностям, стремление жить, оправдывая ожидания друзей, нигилизм, который трактуется как «никогда не думать о смысле жизни», и уровень информированности. Последняя переменная измеряется и трактуется в этой модели очень оригинально. Они измеряют ее с помощью «информационной множественности (кратности)» от 0 до 7, где 7 показывает, как индивид использовал каждый из источников информации на прошлой неделе: ежедневная газета, радио- или теленовости, печатные журналы, аналитические радио- и телепередачи, книги, Интернет, разговоры с друзьями или коллегами. В выводах говорится, что каждый дополнительный источник информации снижает аномию, а неинформированность, наоборот, повышает ее. Особенно это характерно, как пишут авторы, для постсоциалистических стран. В их модели уровень информи-

рованности, так же как и уровень образования, влияет на уровень аномии. Более образованные и более информированные группы респондентов – ниже уровень аномии, менее образованные и менее информированные – выше.

Эти выводы, возможно, укладываются в общую концепцию исследователей, что модернизация ведет к временному росту аномии, но более образованные и информированные слои населения быстрее адаптируются к новым требованиям формализованного контроля, начинается стабилизация общественной жизни, затем к ним «подтягиваются» остальные слои населения. Но эта схема не объясняет многие явления российской действительности, «рассерженные горожане» – это как раз и образованные, и информированные, а аномия может провоцироваться не просто неопределенностью новой, складывающейся ситуации, а быть протестом против тех правил, которые в ней становятся очевидными.

Из анализа представленных на российском исследовательском поле моделей для изучения и измерения аномии очевидно, что сама эта проблематика актуальна, и разработка ее ведется. И совершенствование моделей аномии в сторону их более тщательной операционализации и максимального учета значимых факторов, влияющих на этот социальный феномен: этап социально-экономического развития общества, тип политической организации, общемировой контекст, историческое наследие и культурная специфика, – будут в них учтены.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1996. – С. 256–309.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
3. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
4. Messner S.F., Rosenfeld, R. The Present and Future of Institutional Anomie Theory // Taking Stock: The Status of Criminological Theory. – 2006. – Vol. 15. – P. 127–148.
5. Messner, S.F., Thome, H., Rosenfeld, R. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. – 2008. – Vol. 2. – № 2. – P. 163–181.
6. Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация // Социологический форум. – 2000. – № 3/4. // www.sociology.ru/forum/
7. Покровский Н.Е. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки // Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко. – М.: Университетская книга, Логос, 2008. – С. 189–192.
8. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: понятие, причины, проявления // Великоросс. – 2012. – № 2(4). – С. 4–13.
9. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.
10. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
11. Тоффлер А. Шок будущего. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2002. – 557 с.
12. Swader C. S., Kosals L. Y. Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control / Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology". – 2013. – №17. – P. 2–32.

Natalia N. Meshcheryakova. Candidate of historical science, associate professor of Department of Sociology, Psychology and Law of Tomsk Polytechnic University. E-mail: natalia.tib@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL ANOMIE IN RUSSIAN SOCIETY

Key words: *modernization, anomie, deviation.*

The article focuses on the existing theoretical and methodological approaches to the study of the phenomenon of social anomie in relation to Russian society. We give a brief description of the two main approaches to the issue of social anomie. The first approach is formulated E. Durkheim. Anomie

– a consequence of the transition phase in the development of society, when the old norms no longer apply for the regulation of social interactions and relationships, and new ones have not yet formed. The second variant of anomie formulated Robert Merton. In the social structure itself has a failure, which causes various forms of deviant behavior as adaptive response to this failure.

In this paper we detail consider the models of social anomie N.E. Pokrovsky, S.G. Kara-Murza, C. Swader and L. Kosals. Explores the strengths and weaknesses of these models applied to the study of anomie in Russian society. Found that some models do not take into account the global context of events. These models consider the Russian society in isolation. In the model of DKA, the proposed C. Swader and L. Kosals contrary, considered insufficiently specific cultural and historical factors of Russian society. Of great interest is the methodological approach to measuring the level of anomie proposed C. Swader and L. Kosals. They link anomie with the modernization process, which is accompanied by the formalization of various aspects of social life. By formalization in this sense, they refer to the shifting of society's principle medium of normative control over individuals from the informal, based on interpersonal close ties and face-to-face relationships, to the formal, based on abstract, rational, and codified institutions. The authors examine and measure the formalization of social control in three areas of social life: economic, political and individual values. Model anomie of C. Swader and L. Kosals is called "don't know" anomie (DKA). Authors consider as a key indicator of anomie uncertainty of respondents in existing norms and their application. This is the only model currently authenticated by empirical research on the Russian sample.

References

1. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of labour in society]. Translated from French. In: Dobren'kov V.I. (ed.) *Zapadnoevropeyskaya sotsiologiya XIX–nachala XX vekov* [Western European sociology of the 19th and early 20th centuries]. Moscow: International Institute of business and Management Publ., 1996, pp. 256–309.
2. Durkheim E. *Samoubiystvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide, a study in sociology]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 399 p.
3. Merton R. *Sotsial'naya struktura i anomiya* [Social structure and anomie]. Translated from French by E.A. Samarskaya. In: Nikiforov B.S. (ed.) *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennyye burzhuaznye teorii)* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories)]. Moscow: Progress Publ., 1966, pp. 299–313.
4. Messner S.F., Rosenfeld, R. *The present and future of Institutional Anomie Theory*. In: Cullen F.T., Wright J.P., Blevins K.R. *Taking stock: The status of criminological theory*. New Brunswick: Transaction, 2006, vol. 15, pp. 127–148.
5. Messner S.F., Thome H., Rosenfeld R. Institutions, anomie, and violent crime: clarifying and elaborating Institutional-Anomie Theory. *International Journal of Conflict and Violence*, 2008, vol. 2, no. 2, pp. 163–181.
6. Pokrovskiy N.E. *Tranzit rossiyskikh tsennoyey: nerealizovannaya al'ternativa, anomiya, globalizatsiya* [Transit of Russian values: unrealized alternative, anomie, globalization]. *Sotsiologicheskii forum*, 2000, no. 3–4. Available at: www.sociology.ru/forum/.
7. Pokrovskiy N.E., Ivanchenko G.V. *Universum odinochestva: sotsiologicheskie i psikhologicheskie ocherki* [The Universum of loneliness: sociological and psychological essays]. Moscow: Universitetskaya kniga, Logos Publ., 2008, pp. 189–192.
8. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: ponyatie, prichiny, proyavleniya* [Anomie in Russian: concept, causes, manifestations]. *Velikoross*, 2012, no. 2(4), pp. 4–13.
9. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and manifestations]. Moscow: Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 264 p.
10. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 240 p.
11. Toffler A. *Shok budushchego* [Future shock]. Translated from English by E. Rudnev. Moscow: AST Publ., 2002. 557 p.
12. Swader C. S., Kosals L.Y. Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control. *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology"*, 2013, no. 17, pp. 2–32.